

© 2005 г.

О.Н. ЯНИЦКИЙ

РОССИЯ КАК ЭКОСИСТЕМА

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич - доктор философских наук, профессор, руководитель группы социально-экологических исследований Института социологии РАН.

Современное общество представляет собой социобиотехнический организм, систему. Под социальной экосистемой (далее, экосистемой) я понимаю совокупность социальных общностей и их связей между собой и с природой, позволяющих обществу существовать в режиме относительного равновесия (sustainability) и, тем самым, обеспечивать его социальное воспроизводство. К концу 1980-х годов она в целом сложилась и устоялась, стабилизировались ее территориальная, функциональная и ментальная структуры. Определелись ее внутренние границы, центр и периферия, зоны влияния ("жизненных интересов"). Определелись ареалы развития и стагнации, система городских и сельских сообществ, структуры ресурсных и миграционных потоков. К тому времени, подчеркну, ясно обозначились конфликтные и критические зоны экосистемы. Несмотря на продолжавшееся строительство новых городов и поселков, межрегиональную миграцию, территория страны приобрела достаточно четкое экономическое и социальное зонирование. Наконец, в сознании людей все освоенное к тому времени пространство экосистемы достаточно четко делилось по критерию "привлекательности - не привлекательности" для жизни.

Эта устойчивость, понятность ее структуры была чрезвычайно существенной во многих отношениях; с точки зрения идентификации индивида в социальном пространстве, выбора им места работы, жительства, способов добывания средств к жизни или вложений в ее обустройство в будущем (например, заработки на Севере - покупка дома на Юге). Весь жизненный цикл ассоциировался у человека с определенными территориями и характером взаимоотношений с ними (временное или постоянное пребывание, добывание средств к жизни или их вложение в воспитание детей, покупка квартиры или индивидуального жилья, садоводство и огородничество и т.д.).

Не менее важной была и другая сторона данного процесса: определились типы *социально-экологических структур* (семья, производственные коллективы, профессиональные и территориальные сообщества, общности по интересам, любительские объединения), что имело принципиальное значение для формирования разнообразия и, следовательно, большей устойчивости социально-экологической структуры общества.

Макротренды; устойчивость и изменчивость

Эта экосистема, по крайней мере, дважды, в 1991-1992 и 1998 гг., была на грани разрушения и распада. Государство как социальный институт не функционировало

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 04-03-00499а)

как интегрирующая сила. Производство, в особенности в таком для России системообразующем секторе, как военно-промышленный комплекс, сократилось более чем вдвое. Все мыслимые экономические и социальные связи были нарушены. Почему же она не распалась?

"Устойчивость" всегда имеет цену. Внутри страны мы за нее заплатили крахом финансовой системы, переходом массы населения к традиционным, архаичным способам производства и обмена (натуральное хозяйство, человечество, бартер), экспроприацией ее индивидуальных накоплений, отказом от многих социальных программ, снижением креативного потенциала (эмиграция интеллектуалов и квалифицированной рабочей силы), отказом от поддержания многих частей бывшей экосистемы (городов, сел, предприятий, складов) в рабочем состоянии, превращением здоровых и работоспособных людей в "отходы" (безработные, безпризорники, бомжи). Вместе с тем, государства "золотого миллиарда" не были заинтересованы в распаде огромной страны, напичканной к тому же ядерным в химическим оружием. Поэтому они приняли меры к сохранению минимально необходимого уровня управляемости системой. Цена, заплаченная нами за ее устойчивость, - это ресурсная "периферизация" России и ее подчинение интересам стран "золотого миллиарда". Иными словами, экосистема устояла за счет снижения ее социального качества.

Изменения произошли по всем векторам. Во-первых, изменился "генетический код" этой экосистемы. Полный отказ от ценностей коллективизма, форсированное внедрение в общественное сознание либерально-индивидуалистических ценностей в условиях отсутствия интегрирующих общество ориентиров есть объективный фактор ее дезинтеграции.

Во-вторых, кардинально изменилось место российского общества в мировом порядке, В параллельно шедших процессах глобализации и распада СССР Россия из сильной замкнутой системы, представляющей собой один из центров биполярной структуры мира (контрбаланс СССР-США), превратилась в открытую, но слабую часть ресурсной периферии высокоразвитых стран [1]. Что изменило сам характер функционирования общественной системы, ее социальную структуру, вид и направление ресурсных потоков и обмена с остальным миром. Вывоз из России наиболее ценных ресурсов (квалифицированной рабочей силы, невозобновимых природных ископаемых, уникальных культурных ценностей), расхищение национального богатства шли в течение полутора десятилетий. Иначе говоря, если раньше советская система была одним из главных пользователей среды обитания многих континентов и биосферы в целом, то сегодня Россия выступает в качестве среды обитания для стран "золотого миллиарда".

Хочу особо подчеркнуть появление глобальных экологических интересов и, соответственно, экологической политики, представляющей собой жесткую борьбу за доступ и право распоряжаться такими ключевыми для жизнеобеспечения населения и производства всех стран ресурсами, как атмосфера и мировой океан. Конфронтация "Север-Юг" все более приобретает экологическое измерение [2]. Геополитический передел мира теперь идет в трехмерном пространстве, в том числе в космосе и биосфере, Дебаты вокруг Киотского протокола лучшее тому подтверждение [3].

В-третьих, существенным сдвигом в функционировании общества стало изменение баланса производства "благ" и "бедствий" [4]. По целому ряду причин, прежде всего вследствие резкого падения объемов производства, отказа от поддержания жизнедеятельности искусственных структур (городов, предприятий, инфраструктур, хранилищ боеприпасов) и накопления рисков в среде обитания, этот баланс все более склоняется в сторону "бедствий". Проблема еще в том, что российское государство не располагает необходимым объемом сил и ресурсов для борьбы с рисками замедленного действия, заложенными еще в советский период (крайний износ жилищно-коммунальной инфраструктуры, дорог, ирригационных и других систем жизнеобеспечения, загрязнение или гибель источников питьевой воды, лесные пожары), и новыми опасностями, порожденными форсированной либерализацией [5].

В-четвертых, изменились принципы организации и функционирования российской макроэкологической системы. Из системы с преобладающим "вертикальным" принципом соподчинения Россия превратилась в систему, состоящую из множества автономных экосоциальных структур, все более зависимых от мирового рынка. Конечно, "административный рынок" существовал и в советские времена [6], развивались горизонтальные связи обмена (людскими и материальными ресурсами, комплектующими деталями и т.д.), но "вертикальная" организация удерживалась Госпланом и другими институтами плановой экономики. Сегодня некогда целостная экосистема растаскивается по частям транснациональными корпорациями и отечественными олигархами.

В-пятых, изменился характер отношений этой системы со средой. И раньше, и теперь преобладающим является отношение "доминирования-подчинения", когда природа рассматривается как "бесконечный ресурс" и одновременно как бездонная бочка для сброса отходов, что концептуализировано в Парадигме человеческой исключительности [7] и Парадигме общества риска [5]. Но если раньше природная и созданная человеком среда (социо-био-техническая система) в определенной, хотя и явно недостаточной, мере воспроизводилась, поддерживалась, сохранялась обществом, то ныне она еще более интенсивно и односторонне эксплуатируется, с одной стороны (извлечение нефтегазовых и ограниченного набора минеральных ресурсов), и не восстанавливается даже в минимальных масштабах, с другой. Уровень ее несущей способности многократно превышен, и она из поглотителя или нейтрализатора рисков превратилась в их производителя, что породило эффект длительного выброса "энергии распада" [8], одной из форм которого является перманентное производство массы "лишних людей", париев современного общества [9].

В-шестых, распад СССР как единой системы, форсированное введение рынка как основного регулятора всех видов человеческой жизнедеятельности, изменение баланса сил на мировой арене - все это привело к *тотальной реструктуризации социально освоенного пространства*. Реструктуризация этого пространства произошла прежде всего под воздействием смены формы собственности ("мое-чужое"), приватизации, захвата и вытеснения (ложное банкротство, силовой захват и передел собственности), а также выброса энергии социального распада (беженцы, вынужденные мигранты, безработные, нищие). Целые регионы оказались на грани исчезновения, другие были просто брошены, бывшая глубокая провинция в одночасье стала новым "фронтиром" [10], появились новые "очаги" процветания и обширные зоны социально-экологического бедствия. Пространства, которые еще вчера были доступны всем (пригородные леса и рекреационные зоны), стали частной собственностью.

В этой связи *бедность* трактуется не только как социально-экономический, но и экологический феномен. Богатое российское меньшинство, не имея никаких прямых обязательств перед неимущими, все более отгораживается, обособляется, замыкается в созданных ими островах процветания. Экосистемы бедности базируются на принципах: исключения (отказ от благ цивилизации), минимизации потребностей социального существования (отказ от образовательного и культурного роста), эксплуатации себя и близких и выживания за счет разборки/эксплуатации среды жизнеобеспечения, созданной природой и предшествующими поколениями. Мощным инструментом культивирования этого социального изоляционизма являются СМИ.

В целом, если раньше наблюдались устойчивая тенденция к расширению социально освоенного россиянами пространства страны, его устойчивая функциональная реструктуризация, то теперь для большинства населения оно резко сжалось - не только географически, но социально и психологически, оно стало закрытым, а потому и все более выпадающим из формирующейся новой структуры социального пространства. Росту числа таких зон отставания, "выпадения" способствовало не только введение института частной собственности, но и криминализация практически всех общественных структур. Возникшее в предыдущее десятилетие и быстро расширяю-

щееся виртуальное пространство стало, с одной стороны, источником новых социальных размежеваний, а с другой, - резкое расширение сферы действия механизма социального сравнения привело к новому витку фрустрации и аномии.

Среда жизнеобеспечения

Экосоциальная концепция общества придает фундаментальное значение *среде обитания* во всех ее измерениях. Запасы природных ресурсов, наличный интеллектуальный потенциал, состояние технических систем, место в мировом социально-экономическом порядке - все это элементы среды конкретного общества. Среда как ресурс и форма его капитализации - неотъемлемый компонент механизма социального производства и формирования его социальных институтов. Далее, среда как организованная и структурированная "часть" конкретного общественного организма всегда обладает некоторым запасом прочности (несущая способность), позволяющей аккумулировать "сбрасываемые" в нее риски без изменения принципов ее организации и функционирования. Чем интенсивнее общество модернизируется, тем большую роль играет качество среды обитания в процессах социального производства и воспроизводства, в накоплении научно-технического и социального капитала. Коль скоро мир становится все более искусственным, рукотворным, он все более нуждается в уходе, "профилактике", поддержании в рабочем (безопасном) состоянии. Это утверждение справедливо по отношению к индустрии, земледелию, институтам обеспечения безопасности, структурам собственно социального воспроизводства и всему остальному.

Среда жизни не инертна; риски, носителями которых могут быть как отходы технологических процессов, так и сами люди, попадая в среду, мигрируют в ней, накапливаются, трансформируются и возвращаются обществу ("эффект бумеранга", по У. Беку). Под ее давлением меняется качественный состав населения, характер социальных общностей и институтов. Не только "позитивные", но и рисковенные (теневые, криминальные) среды имеют тенденцию к институционализации. Поэтому современное общество можно квалифицировать как общество "средовых вызовов и императивов".

Под средой жизнеобеспечения понимается совокупность условий, обеспечивающих устойчивое (неистощительное) функционирование природных и социальных, то есть созданных человеком, экосистем. Деградация ее - давно идущий и многосторонний процесс. Во-первых, она деградирует потому, что ее хозяйственное освоение всегда идет быстрее, чем ее восстановление, ликвидация или переработка произведенных отходов. Иными словами, в ходе форсированной модернизации имеет место сукцессия как природных, так и социальных экосистем, снижение их способности к воспроизводству [11]. Корень глобальной проблемы "устойчивого развития" лежит именно здесь.

Во-вторых, перестройка и реформы инициировали два параллельно идущих процесса. С одной стороны, переход от плановой экономики к рыночным отношениям означал отказ государства от поддержания социотехнических систем (городов, гражданских и военных инфраструктур) в рабочем состоянии, что привело к появлению обширных зон деградации и запустения (заброшенные города, поселки, деревни). Подчеркну, что "заброшенность" - отнюдь не синоним стабильности или равновесия. Она чревата опасностью, взрывами, загрязнением среды, приводя в конечном счете к формированию обширных "мертвых зон". С другой, - курс на форсированную либерализацию экономики привел именно к истощительному, варварскому использованию ресурсов природы, причем как со стороны новых капиталистов, не желающих вкладывать средства в ее охрану, так и со стороны обнищавшего населения, уже много лет выживающего за счет сверхэксплуатации природы и разборки технических систем жизнеобеспечения, причем как устаревших или совсем ненужных и

поэтому плохо охраняемых (склады боеприпасов, удобрений, заброшенные военные городки и базы), так и действующих (линии электропередач, телефонные, кабельной связи, элементы городской инфраструктуры и т.п.). Этот тезис можно интерпретировать и по-иному. С превращением российского общества из закрытого в открытое поле возможностей включения в модернизационный процесс для обеспеченного меньшинства глобально расширилось, а для большинства - резко сократилось, а риск их превращения в "лишних людей", напротив, резко возрос.

Деэкологизация и устойчивость

Деэкологизацию обычно понимают как деинституционализацию государственной системы охраны природы, понижение природоохранных целей на шкале национальных приоритетов. Этот процесс действительно имеет место. Достаточно вспомнить снижение статуса соответствующего ведомства (от министерства до госкомитета), а потом и его ликвидацию вообще, как и упразднение ряда других природоохранных служб [12].

Однако проблема не сводится к делу охраны природы. Частная собственность и рыночное хозяйство, ориентированные на минимизацию издержек производства и максимизацию прибыли, в принципе, противостоят территориально самоорганизации общества на всех уровнях. Капитал, где бы он ни был, "самоорганизуется" только в собственных интересах и только за счет "среды", будь это ресурсы природы или социальный капитал общества. Поэтому в большинстве развитых стран эгоистическому "саморегулированию" капитала противопоставляют государственное регулирование, местное самоуправление и публичный контроль. Борьба частного интереса и общественного контроля продолжается с переменным успехом, однако даже с появлением на мировой арене транснациональных корпораций, там стремятся защитить свои экосистемы, переложить бремя грязных производств и хранение отходов на плечи" более слабых стран, в том числе и на Россию.

Идеология и политика тоталитарного государства были по существу идеологией и политикой тотальной деэкологизации. Форсированная индустриализация и разрушительная коллективизация, войны, массовые репрессии, насильственные переселения, грандиозные планы преобразования природы и "великие стройки коммунизма" - все это лишь разные стороны общего процесса: разрушения любых форм самоорганизации общества. Ведомство, партийное или отраслевое, безраздельно господствовало над территорией и общностью человеческих интересов. Лишь последние предперестроечные десятилетия отмечены отходом от этой политики. Складывались производственно-территориальные комплексы, появились моменты самоорганизации в жизни городских агломераций, больше прав получили органы местного самоуправления. А главное, у широких масс населения стала формироваться мотивация к обживанию, обустройству своего непосредственного жизненного пространства, установка на повышение качества жизни.

Именно эта мотивация, помноженная на стремление к самостоятельному действию, к (само)реализации накопленных знаний и опыта, были по моему глубокому убеждению, главным импульсом к "обустройству России снизу" (А. Солженицын). Возникновение в период 1985-1990 годов тысяч органов общественного самоуправления, комитетов спасения (лесов, рек и озер), защиты памятников природы и культуры, клубов, политических, экологических и других массовых объединений - лучшее тому доказательство. Гласность и демократизация общественной жизни были лишь предпосылками к развитию критического мышления и реального самоуправления. Ирония истории: критика и самокритика действительно могли стать движущей силой необходимых преобразований.

Однако практика последующих пятнадцати лет свидетельствует о движении в обратном направлении. Ликвидация Советов как социального института, подавление

экономическими методами органов общественного самоуправления, последовательное ограничение сферы деятельности и контроля общественных организаций в совокупности с восстановлением властной вертикали, последовательным ограничением политической и финансовой самостоятельности регионов, появлением олигархических и других монопольных структур, распространение "силового предпринимательства" и других криминальных форм передела собственности привели к новой фазе форсированной реструктуризации социально освоенного пространства и снижению уровня самоорганизации экосистемы.

Особо рискованным является ресурсная (нефтегазовая) детерминация устойчивости этой экосистемы. Способность к развитию и, одновременно, устойчивость всякой социальной системы детерминируется ее способностью к воспроизводству ключевого ресурса - человеческого потенциала, соответственно, "ведущим звеном в экономической системе устойчивого развития должны стать некоммерческие структуры" [13, с. 99]. Сидение же на нефтегазовой "игле" означает привязанность к единственному источнику ресурсов всей сложной иерархии воспроизводственных структур. Оно порождает привычку, окостенелость мышления, стереотипность действий, что сродни патерналистскому иждивенчеству советских времен. Иссякнет этот источник временного благополучия, находящийся к тому же вне пределов контроля российского государства, и начнет рассыпаться вся система жизнеобеспечения миллионов российских граждан.

Регионы и города

Географическое положение СССР объективно обуславливало высокие издержки производства, наличие зон "критического земледелия" и неустойчивость систем жизнеобеспечения населения. После его распада экосистема стала еще более северной, поддержание которой требует постоянного вложения ресурсов (северный завоз, дотирование из центра). Вследствие реэмиграции русских и постоянного притока безработных и беженцев из республик бывшего СССР перекос между редкозаселенным Севером и Дальним Востоком, перенаселенным Центром и Юго-Западом страны усилился.

Приватизация, анонсированная как "благо для всех", обернулась на деле сверхбогатством единиц, которое тут же вкладывается в улучшение их *собственной среды обитания* - где-то за кордоном. Стабильность экосистемы достигнута не за счет эквивалентного обмена между регионами, а как результат формирования нескольких монополий, распоряжающихся невозобновимыми ресурсами, силовых методов "чужаков". Монополизация и глобализация как "новый мировой беспорядок" [14, с. 421] означают ускоренное (и практически без шансов на возврат) исключение слабых регионов из процесса модернизации. Эти процессы - реальная угроза формирования на территории страны двух *практически независимых и качественно отличных экосистем*, одна из которых живет за счет бесконтрольной эксплуатации ее ресурсов, а другая, деградируя из-за бедности, природных и рукотворных катастроф, становится постоянным клиентом министерства по чрезвычайным ситуациям. Удивительно, но, начиная с работ Н. Моисеева [15], выживание России видится не в качестве самостоятельной или даже зависимой экосистемы, но как "транзита", моста между Европой и Азией.

Города всегда были центром интереса социальных экологов. Фактически, экологические модели общества выстраивались как некоторая совокупность регионов, центрами которых были крупнейшие города, агломерации и мегаполисы. Но есть принципиальный вопрос. Если устойчивость России как экосистемы зависит от ее воспроизводственных возможностей, то в экономической подсистеме поддержания устойчивости ведущую роль должны играть не "производственные структуры - предприятия, а воспроизводственные - регионы и города" [13, с. 98].

Изменились *структура и характер человеческих сообществ*, "населяющих" города. В советское время городское сообщество было структурировано по территориальному и отраслевому принципу. Ключевым его элементом были производственные коллективы во главе с партийными и профсоюзными организациями. Внепроизводственная сфера жизни состояла из семейно-соседских групп, территориальных общностей и профессиональных сообществ (творческих союзов) и любительских объединений (добровольных обществ и клубов). За исключением некоторых элитарных общественных организаций (союзов писателей, композиторов), эти формы самодетельности и общежития были доступны всему городскому населению. Сейчас городское сообщество все более дифференцируется по сословно-корпоративному принципу.

Два взаимосвязанных процесса, имеющие корни в советской эпохе, проявили себя по-разному. Первый - это миграция. Если раньше, например, Москва ежегодно "прирастала" на 50-70 тысяч человек "лимитчиками", то сегодня она растет за счет "гастарбайтеров"; около полумиллиона человек составляют нелегалы и бомжи [16, с. 297-298]. Вместе с капитализмом в городах усилилась социальная дифференциация, налицо все признаки социальной и этнической сегрегации. Второй - субурбанизация. В советские времена вокруг городов, разрушая природные экосистемы, возникли сотни дачных поселков и садово-огородных кооперативов. Сейчас они вытесняются субурбией западного образца - особняками с развитой торговой и рекреационной инфраструктурой.

Резко возросло давление городской среды на индивида. Уплотнение жилой застройки, экспансия "малого бизнеса" во все ее уголки, интенсивная автомобилизация, гаражи во дворах, парковка на тротуарах и газонах, реклама на улицах, в транспорте, в индивидуальных почтовых ящиках, бесконечные коробейники и музыканты в пригородных поездах, рост мощностей теле-, радио- и видеоаппаратуры, мобильная связь - все это привело к резкому сокращению "зон уединения и покоя" для рядового горожанина. Причем, как в силовом и криминальном бизнесе, это "предложение, от которого невозможно отказаться". Если к этому присовокупить интенсивный процесс "огораживания" территорий банков, офисов, частных фирм, наплыв приезжих из сел, малых городов и стран ближнего зарубежья, ищущих работы или легкой наживы, то синергетический эффект этого давления является критическим.

Критические экосистемы и рискогенный трафик

Критическим я называю состояние социальной экосистемы, когда производство рисков становится господствующим способом социального производства. Рискогенный трафик - это пути поступления и воздействия на экосистему страны рисков, несовместимых с ее нормальной жизнедеятельностью. Риск-трафики возникают в результате перехода региональных экосистем в критическое состояние (длительные локальные вооруженные конфликты), а также вследствие направленного воздействия на общество глобальных криминальных структур (контрабанда оружия и наркотиков).

В критическом случае созидание как основополагающая форма социального действия теряет смысл. Социальные сообщества переключаются на производство средств разрушения и обороны, равно как и на производство разрушительных действий как таковых. Иными словами, производство бедствий превращается из сопутствующего момента социального производства в доминирующий, имеющий свои цели, ценности, институты и закономерности. Происходит чудовищная трансформация социальных институтов. В критическом случае фактической целью "мирного труда" становится разрушение, инструментом - насилие, а результатом - нанесение максимального ущерба "противнику". Под категорию "мирного труда" подпадают взятие заложников, производство наркотиков, торговля "живым товаром", использование

рабского труда, производство фальсификатов (продуктов питания, алкоголя, лекарств). В результате изменяется все; социальный порядок, социальная структура, уклад повседневной жизни, психология людей, отношение к природе.

Производство рисков (именно как бедствий, разрушений) не может быть точечным процессом. Геноцид, война, подрывная деятельность, терроризм как массовые действия представляют собой не отдельные акты насилия и даже не их совокупность, но *организованное производство рисков*, нацеленное на разрушение некоторого социального сообщества и его ценностной системы. Точечное производство рисков рано или поздно превращается во всепроникающее.

В критической зоне формируются специфические "пространство и время". Расстояния измеряются не скоростью средств передвижения, а масштабом ожидаемых потерь и, соответственно, ресурсом, необходимым индивиду (группе) для обеспечения его минимальной безопасности. Риск и порожаемые им страх и недоверие определяют траекторию, скорость и ритм пространственных перемещений. Например, день и ночь оцениваются уже не как привычные периоды бодрствования и сна, работы и отдыха, а с точки зрения вероятности причинения ущерба и защиты от него, то есть как более или менее опасные "временные коридоры" для человеческой активности.

Производство "бедствий" имеет логику бумеранга: насилие порождает насилие, военное давление - сопротивление и т.д. Однако при длительном развитии критической ситуации складывается некоторый негативный симбиоз сил вторжения (давления), сопротивления (обороны) и страдающих мирных граждан. Воспроизводство общественной жизни минимизируется и приобретает архаичные формы (собирачество, натуральный обмен, вынужденное иждивенчество, грабежи, похищение и выкуп людей). Вместе с тем, технологии нанесения ущерба "противнику" становятся все более изощренными, а орудия разрушительных действий постоянно модернизируются. Возникает институт "обучения насилию и разрушению" (тренировочные лагеря для террористов, спецподразделений и др.). К тому же, в рассматриваемом случае форма более не соответствует функции; под "шапкой" организаций созидания (учебных, экспертных, спортивных, развлекательных) может и часто действительно осуществляется накопление и совершенствование разрушительного потенциала.

Наконец, социальная среда критической зоны из поглотителя рисков трансформируется в их производителя, от которых страдают все стороны, вовлеченные в конфликт. Рискогенная среда выталкивает трудоспособное население, ориентированное на созидательный труд, и, напротив, притягивает криминал во всех его формах. Однако главный риск состоит в том, что организация социальной среды целиком детерминируется формами и ритмами критического случая. В подобных ситуациях самоорганизация населения принимает специфические формы; организация сопротивления (партизанская война), посредничество (между враждующими сторонами), криминальный бизнес и создание сообществ взаимопомощи с целью физического выживания.

Выход из критического случая всегда дорог и долгов, при этом прежний уровень никогда не достигается. На месте разрушенного социального порядка может возникнуть сообщество, организованное на порядок ниже. Процесс отрицательной селекции не проходит даром; ухудшается качественный состав населения; риски эмиграции, дисквалификации, болезней, наконец, гибели его лучших людей возрастают [17, с. 423-424]. Критический случай означает невозможность былого человеческого капитала.

В терминах социологии критический случай есть *гуманитарная катастрофа*, то есть такое состояние сообщества, когда оно оказывается неспособным самостоятельно поддерживать свою жизнедеятельность на минимально необходимом уровне (самосохранение). Основные характеристики гуманитарной катастрофы: отсутствие производства благ и услуг, голод, болезни, эпидемии, полная социальная и территориальная иммобильность населения. Человеческое сообщество выживает исключи-

тельно благодаря гуманитарной помощи, то есть притоку средств жизнеобеспечения извне.

В итоге трансформируется вся социально освоенная среда обитания. В обществе возникают "зоны", непригодные для хозяйства и нормальной жизни. Вместе с тем, даже много позже после формального установления порядка обжитые ранее территории - зоны созидательного труда и мирной жизни - остаются "мертвыми зонами" (люди, отвыкшие от созидательного труда, дети, умеющие только воевать, земля, непригодная для обработки, минные поля, отравленные реки, разрушенные поселения и системы жизнеобеспечения). Формирование таких "зон" мы наблюдаем в разных частях планеты - в Афганистане, Нагорном Карабахе, Косово, Ираке, Палестинской автономии, Приднестровье, Таджикистане, Чечне. Термин "горячие точки", на мой взгляд, ошибочен. Эти зоны излучают дестабилизацию, беспорядок, разрушение всех сторон, всех элементов мировой экосистемы.

До начала реформ на постсоветском пространстве, за исключением территорий, пострадавших от радиационного загрязнения (Чернобыль, Маяк), таких зон не было. Три фактора способствовали их появлению; приватизация, приведшая к обвалному разрушению промышленного потенциала и резкому обнищанию населения, рост сепаратистских настроений вследствие ослабления центральной власти и ее неразумной внутристрановой "геополитики" и резкое "открытие" административных и экономических границ. Критические зоны на периферии России не только стали производить риски, расплзавшиеся затем по всей территории страны, но и явились опорными точками для формирования внутристранового и транзитного риск-трафика. Впрочем, на нынешней стадии опорными пунктами этого трафика являются уже малые города в российской глубинке.

Изменения на микроуровне

Требования, предъявляемые современным обществом к индивиду, делают необходимым наличие некоторого "устройства", повышающего его креативный потенциал и возможности социального действия. Первичная экоструктура как система жизненно необходимых ресурсных связей и коммуникаций как раз и является таким мультипликатором воспроизводственных и деятельностных потенциалов социального индивида.

В условиях стабильного общества такая система индивидов и их связей устойчиво функционирует в режиме концентрации глобального в локальном, "макро" - в "микро". Тем самым, структурирование индивидом своего жизненного пространства происходит не только "сверху", директивным путем, но и "снизу", в процессах его борьбы за доступ к дефицитным экономическим и социальным ресурсам. В стабильном обществе данная система есть механизм, обеспечивающий индивиду одновременно постоянное накопление жизненных ресурсов и защиту от избыточного давления "внешней" социальной среды, иными словами, механизм, обеспечивающий индивиду *"развитие без истощения и разрушения"*.

Когда большая экосистема начала расшатываться, старые институты перестали действовать, а новые еще не сложились, тогда сохранение и мобилизация семейных и дружеских связей оказывались непеременимыми условиями выживания. Однако, чем дальше общественное колонизировалось частным, чем более индивид впадал в состояние "идентификационной раздвоенности" [18, с. 361], утрачивал контроль как над социально-значимыми процессами, так и над средой своего непосредственного обитания, тем сильнее становилось стремление выжить "здесь и сейчас", что вело к дальнейшей фрагментации местной жизни.

По тем же причинам происходило изменение качества первичной экоструктуры. Семья сохранялась, но связи, основанные на дружеской привязанности и общности моральных ценностей, быстро вытеснялись "нужными знакомствами", то есть ути-

янтарными контактами. Индивиды все более рассматривали друг друга как источник ресурсов, как средство достижения краткосрочных целей. Творчество как всеобщее благо вытеснялось крайним утилитаризмом. Поэтому в отличие от российских идеологов либерализма, утверждавших, что "открытие" российского общества Западу есть предпосылка расширения творческих потенций индивида [19], я вслед за З. Бауманом, полагаю, что в современных условиях индивидуализация - это судьба, не зависящая от нас материя. Итак, не только национальная экосистема истощается и беднеет, но за ее счет воспроизводятся все новые "оазисы процветания" в странах "золотого миллиарда". Чтобы превратиться из индивида *de jure* в индивида *de facto*, необходимо обладать возможностью контроля над ситуацией [20], а ситуация, как было показано выше, движется в противоположном направлении.

Заключение

В мире идет борьба могущественных групп интересов уже не только за доступ к национальному богатству отдельных стран, но за частное пользование жизненно необходимыми ресурсами всего человечества. Как результат, совершенно иными становятся *извлечение, переработка и обмен ресурсами в экосистемах*. Россия переходит от экологии "мест и внутренних связей" к экологии "транснациональных потоков и глокальных узлов". В политически и экономически закрытой системе структура ресурсных потоков детерминировалась государственными институтами, оборот основных ресурсов (рабочей силы, товаров, услуг, знаний, информации) осуществлялся внутри системы - внешние связи служили дополнением внутренних. Теперь же ресурсно-ориентированная экономика и вестернизированная политика привели к зависимости внутристрановых потоков ресурсов от международного разделения труда и превращению страны в сырьевую периферию стран "золотого миллиарда". Эта зависимость может быть преодолена, если сырьевой потенциал страны будет максимально использован для возрождения системы воспроизводства качественных, то есть здоровых, образованных и материально обеспеченных человеческих ресурсов, то есть социального капитала. Тогда социологи снова вспомнят об "индексах человеческого развития" и разработанных ими системах социальных индикаторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кагарлицкий Б.* Реставрация в России. М.; Эдиториал УРСС, 2000.
2. *Панарин А.* Испытание глобализацией. М.: Логос, 2001.
3. *Иноземцев В.* Экологические проблемы и экономическая целесообразность // *Природа*, 2002. №1. С. 20-29.
4. *Beck U.* Risk Society. Towards a New Modernity. London: SAGE, 1992.
5. *Яницкий О.* Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003.
6. *Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.
7. *Dunlap R.* Paradigmatic Change in Social Science: From Human Exemption to an Ecological Paradigm // *American Behavioral Scientist*. Vol. 24. № 1. P. 5-14.
8. *Яницкий О.* Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 5-15.
9. *Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge: Polity, 2004.
10. *Глазычев В.* Глубинная Россия: 2000-2002. М.: Новое Изд-во, 2003.
11. *Yanitsky O.* Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice // *International Social Science Journal*. 1982. Vol. XXXIV. № 3. P. 469-480.
12. *Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е.* Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: КМК, 2003.
13. Гуманистические ориентиры России / Редколлегия: *Л. Абалкин, А. Барышева, Д. Сорокин*. М.: Институт экономики РАН. 2002.
14. *Бауман З.* Национальное государство - что дальше? // *Отечественные записки*, 2002. № 6.

15. *Моисеев Н.* Агония России: есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. М.: Экспресс-"ЗМ", 1996.
16. *Вендина О.* Мигранты в Москве; рост этнокультурного разнообразия или социальной напряженности? // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е годы / Под ред. Ж. Зайончковской. М.: Адамант, 1999. С. 297-318.
17. *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994.
18. *Ядов В.* Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой, М.: Academia, 2002. С. 349-361.
19. *Ахиезер А.* Как "открыть" закрытое общество. М.; Магистр, 1997.
20. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М., 2002.